

Иван Медведев (Русская сказка)

Досюль шол поп батько в церьков, служил ён до полуобедни и пришол ёму такой лист, что «батько, будешь ты в один час бедный и богат». И ён взял этот лист, розорвал и на́ огни сожог. Потом батько этот обедню дослужил, весь народ с церкви вышоў, никто ничего не видаў, а батько вышеў, увидаў оленя над ворóтмы золотого, и ён давай этого оленя јимать. Олень от нёго́ дале, и ён в след. Этот олень ёго манил оченьо далёко. Прибежали ёны́ к речки. Этот олень через речку скачил и спать свалился, а этот батько переходить — да и перешоў кой-как через речку. Олень этот и потерялся в речки от него, ушоў, и ён сел на кусток, давай плакать, и пришоў к нему медведь, и ён с эстой медведицей жиў в пагмы (жил с ей), и сподобил этой медведице батько брюхо, и рóдила эта мидведиця сына. Этот батько сам ёго́ крестил, даў ему имя Иван Медведев. И ён, этот Иван Медведев, стал в одну неделю оченьо большой и силен и этому батюшке говорит: «Что же ты, батюшко, хорош, а матушка у нас мохната?» А батько ему говорит: «Я сам есть из деревни, батько, а мать твоя мидведиця». — «А что, батько, мы, ска, от ней побежим домой». Ёны побежали. Как побежали, сколько там бежали, она и набежала в слид и их назад и воротила, и опеть на дрúгой день она ушла (с пагма). Оны опеть побежали. Как она набежала в слид, так сын говорит, Иван Медведев: «Где хочешь ити назад, ступай, а то сейчас смерть придам». Она от них никак не отходит, всё с нима бúритця. Этот Иван Медведев взяў ю за лапы, потрянул; она на мелки церепья розлетелась. Видит батько тут: с этого сына беда, в три недели сила какая у него сшибла.

И пришли ёны́ домой, и попадьи говорит: «Вот я тиби сын привёў». И легли оны с попадьей спать, попадьи и скажет: «Что ты, три года ко мне не косался, а топéря косаться стал?» Он говорит: «Что ты, попадьи, я три года вовсе и дома не бываў». Поўтру встали, да он попадьи и говорит: «Ну попадьи, что мы будем с сыном делать? Ён нас, ска, убьёт. Пошлём мы его за лошадью, гди мидведях много, оны его съедят». И ён шоў туды в лес, зашоў к мидведям, где их боле ста́до, который больше всих, того и выбраў и сиў на нёго́ и пригнал домой, к ступёням поставил. «Ну, батько, ска, куды мни кóня класть?» Ёны в окно зглянули. «Ох, беда, мидведя домой пригнаў! Пускай, скаже, тут стоит у ступёней; поди сходи к мельници, в мельници сидит дьякон и возьми его домой». И ён пришоў, этот Иван Медведев, в мельницу, сидит водяник на русла; пыймаў его за волосы и притянуў домой

(и тут смирти нету). Поп гóворит: «Ох, беда, попадья, водяника́ домой привёу, и там смирти нет, топерь беда; куды девать? Ну, попадья, пошлём его туды, гди сила большая, я напишу записку, чтоб его там убили». Этот батько взяу написау записку и отправиу их туды: «Подите, получитья деньги». Оны сели на мидведя, поехали с водяником и приехали туды. Этот Иван Медведев посылаат туды водяника прежде с этой запиской, и ёны как взяли у него записку, и видят: убить-то таких-то, и оны давай с ним бороться, его убивать; он не поддаеця. Ён, этот водяник, их пó двое, пó трое пód руку кладёт. Потом пришол сам самый главный, сильный. Водяник кликнул Ивана Медведева на вы́руку, сборо́ться с нима не може болше, так Иван Медведев на вы́руку пришоу. Иван Медведев пришоу, так мало их и всих стало. Ён их всих перекокау (переубиу). Один главный у них остауся и стау молиться у них: «Оставьтя, а возьте вот капиталу, сколько вам надо». И ён им надал, что нисвидимо. Ёны сели опеть на мидведя и поехали домой. Приехали опеть к ступёням; батько в окно зглянуу. «Ох, беда, попадья! Опеть домой пријихали». Потом видит этот Иван Медведев, что ёны очень спугались его; потом этот Иван Медведев говорит: «Батько, спусти меня в работники». А этот капитал он весь попу батьку отдал, что ему там дали, и ён пошол в работники, а этого дьяка опять в мельницу назад на русла и сташил. И этот Иван Медведев шоу, шоу, шоу, приходит ён к ламбы (к óзёру); в этом óзёре у́дит водяник в лодки брёвно удовищем, а бела лошадь у́ткой (на что рыбу приманивают), и ён говорит: «Бог помоць, товариш, ох ты какой, товариш, сильный». А он ему говорит: «Ох, я не сильный, скаже, я сильный не сильный; есть, ска, Иван Медведев сильный». — «А я то, скаже, есь» (Иван Медведев ему говорит). — «Ну, возьми же, меня, скаже, в други́х». И ёны двое пошли. Шли далёко ль близко, пришли к гóры высокой, стоит мужик и эту гору из рúки на́ руки перека́тыва: «Бог помоць, товариш. Ох, ты какой сильный». Он скаже: «Я сильный, не сильный, вот есть как Иван Медведев сильный, так вот сильный». А Иван Медведев говорит: «Я то и есть», — скаже. «Ну, возьми же меня в третьих». Их стало уж и трое, ну и пошли опеть вперёд. Шли далёко ли близко, опеть пришли: стоит мужик, делаа огорóду óт земли и дó нёба из брёвен. Оны говорят ему: «Бог помоць, мужицёк, ох ты какой, ска, сильный». — «Нет, ска, я сильный не сильный; есть, ска,; Иван Медведев, так сильный». Иван Мидведев ему на место отвечав, что «Я то и есь». — «Ну возьми же меня вслед». Их уж стало чётвёро. Пришли оны в чисто поле, убили оны четы́рех быков четы́релетних. Иван Мидведев говорит: «Ну, робята, будемте дом строить». И оставили одного перьвого водяника быка варить, а самы пóшли брёвен рубить. Он вариу, вариу, выстала бабка с-под земли, ёго взяла, кла́ла под колено и

сама щи выхлебала, и потом щи выхлебала и сама ушла. Тут мужик видит: «Эка беда!» Пришли к нему обедать, Щи у него худыи. «Что же у тебя, ска, щи худыи?» — «А я, ска, лес сподобляю, а вороны всё мясо выносили». Потом оставили другого (который гору перекатываю). И ён опять варию, варию быка, и эта старуха выстала, его под колено, и сама щи выхлебала. Опять пришли к нему обедать: «Что же у тебя, опять, скаже, щи худыи?» — «А лес сподобляю, скае, а сороки да вороны мясо выносили». Третий остаюся опять, третёго быка варить; опять старуха выстала да и опять его под колено, и щи и выхлебала. Опять пришли к нему обедать, щи опять худыи. «Ну что же у вас, ска, щи худыи? Которого не оставь, щи у всех у вас худыи». Иван Мидведев говорит: «Да-ка, я, ска, теперь останусь четвёртого быка варить». Он варию, варию, она с под земли и выстала и его хочет поймать. Иван Мидведев ей говорит: «Ах ты, старый чорт! Ты у нас все щи выхлебала». И давай и ён с ней бороться. Иван Мидведев ю изборол: «Хошь знать — я сейчас ти смерть придам». — «Пожалуста, скае, спусти на этот раз, я лучше за тебя дочку отдам». Пришли к нему обедать, ён спустию эту стару бабку, ёна опять на старо место ушла. Пришли к ему обедать, так у него щи хороша. «Ох вы, скаже, мозгляки, ёще вы считаетесь сильни и удалы, и этой вы старухи сбороть не могли». Взяю канат доугой и предоугой. «Ну, робята, спуститя меня в землю сюда». И ёны взяли его туды и спустили, и ён приходит к этой бабки туды. В эфтом доми девиця молодцю приправилась. Ён пришою и этой бабки ниту, одна девиця сидит. Эта девиця в молодця очень влюбилась и говорит этому молодцю: «Мать, как придёт, буюдет вином потчивать тебя, ты с левой руки бутюйки не бери, а с правой бери, с правой руки водка сильнеа». Несколькó-то времени там промешкали, она и пришла, взяла вино и начала ёго потчивать, зятюшка (свадьба всё впереди, мать вишь ходила по роду, сберать на свадьбу). С правой руки ёму вина не даваэ, а с левой, а ён с левой не берёт. «Ницы смысла, горогушина» (эта дочька, вишь, сказала). Ну ёна принуждена уж с правой руки ему вина дать. Ёны взяли и выпили, одна выпила с левой руки, другой с правой. И ён так быю силен, а тут ещё гораже стал сильней. Тёща и говорит: «Теперь, зять, давай боротця со мной, потом дочку дам за тебя» (свадьбу буюдем играть). Ёны как стали бороться, ёна и рук с ним поправить не може. Потом ёны начали свадьбу играть, свадьбу оны сыграли, потом спреже взяли, здынули по этому канату живот (этот невестин) — приданно, потом за канат туды невесту туды потянули (на землю туды в верёх с-пóд земли). Потом ю, как туды здынули, молодци тройкой видят, что она очень хороша. Потом и его потянули, до половины тянули, потом канат отрубили, туды назад. И ён полетел, повидай и куда. Потом ён пошою — не видать света белого: всё

ровно как тёмная ночь, в такое место улетеу, что как тёмная ночь. Ён ходиу, ходиу, ходиу несколько-то годов и всё свету не видел. Потом показалась ему одна звездоцка, и ён по этой звездоцки шоу, шоу; пришла ему избушка. «Избушка, избушка, — говорит, — повернись туды дворьцём, сюды крыльцём; мни не век вековать, одна ночька ночовать». Пришоу — избушка повернулась, ён и зашоу в эфту избушку. Лежит баба — ноги на лавки, гóлова на пороги, а титьки на ошошки (что в печь вкладывают, ошош — гди вáрят, которая плíта, так тоэ место). «Фу, фу, фу, фу, слыхом не слыхала, видом не видала, руський дух в избú зашоу». — «Ничого, ничого, бабушка, не успела бы выпрашивать, не успела бы выведывать, баенку истопила бы, покормила бы и спать положила бы, то что бы и выпрашивала». Она сичас байну стопила, в байну сводила и покормила, и напоила, и спать повалила. И нáчала выпрашивать. «Ну, откуда ты, молодец, из каких мест здись находишься?» — «Вот, бабушка, так и так; вот у такой-то я старушки дочку за себя взбрау, потом ю туды нá землю здынуу, а миня взад и спустили. Не знаэш ли, как бы мни попасть в тую землю (на тьи земли)?» — «Ох, молодец, как трудно тиби попадать туды, оченно далекó. Есь у миня сёстра за десеть вёрс, и есь у ней птиця такаа, что она туды свезёт тибя; и молись у ней, хорошенько проси, штобы дáла этой птици». Ён и скаже: «Ну, не сном мни дорожку корóтать, зобóткой». И ён и отправиуся. Опеть шоу, шоу, шоу и опеть пришоу к эхтой избушки и зашоу ён в эфту избушку. «Фу, фу, фу, фу, слыхом не слыхала, видом не видала, вдруг появиуся руський дух, в избú зашоу». — «Ничого, ничого, бабушка». — «Ну с каких ты, молодец, мест здись находишься?» — «Есь я, сказке, с таких-то мест и у эдакой-то бабушки брау дочку за сибя и потом я ю туды на верёх, нá свою зёмлю здынуу, а меня потянули да и взад спустили». — «О, да, скаже, ты это мóэй сестры зять». — «Как бабушка, скае, не знаэш ли, как мни попадать в тую землю?» — «Не знаю, скаже, как тиби попадать». — «Скажи, бабушка, у тебя, сказали, есь птиця такая, дай мни ю, чтобы она миня туды достáвляла, в свою землю». Ёнá птицю и дáла, и ён нáбрал мяса ей, сеу на верёх, ёнá и полетела. Летела, летела, и ён взял мяса — ногу и дау. Ёнá съела, опеть и полетела. Чуть лишь полетела, у него шапка с гóловы и слетела. «Ай, погоди, птиця, скае, у миня шапка с головы слетела». — «Охо, скае, молодец, далёко до твоей шапки добератця; за тысяцю вёрст твоя шапка». Опеть летели, летели, птиця опеть јись захотела; ён и другую ногу мяса (говядины) дау јись, она съела, опеть и полетела. Опеть летели, летели, летели далёко, боля у него мяса нету, а птиця јись захотела, лететь болше не может. Ён взяу свою ногу (ногу) отрубиу и дау јись ей. Ёнá опеть ногу съела и полетела, и прилетели нá свою зёмлю, и этому молодцю весь свет

показаўся. Эта птиця взяла в кружки повернулась и сделалась нога; эта птиця взяла приклала к ёго-то ногу, дунула, да нога по-старому стала, на старом мести [«Что значит в кружки?» — «А сам повídaй, не знаю»]. Ён эту птицю накормиў и отправиў туды назад в тую землю, и сам пошоў в свой дом туды в чисто поле, гди оны дом строили, быков варили. Там у них свадьба ведетьця; десять годов всё свадьбу играют, ду-дружку (ду-дружку) не дают: один берёт к себи, а другой к себи и третей ещё к себи и всё свадьбу сыграть не могут. Ён как в избу пришоў, ёны сидят за столом (за столóm) — невеста. Эта невеста ёго как увидела, скоцила с застоля к нему на ворот. «Вот гди мой муж! Хто знаў миня искать да брать, тот пусь знаэ и держать».

Потом ёны повенчались с ней. Ён, как повенчались, взяў всех трóих на воротах росстреляў, ну и с жонкой ушоў к óтцю да к матери жить, и стали оны жить да быть да добра наживать. Тут маа сказка, тут маа повись, дай хлеба појись, в городи я была, мёд я пила, чашка с дырой, рот кривый, по губам всё вытекло, в рот не попало.

(Записана от Лукерьи Филимоновны Марковой 21-22 лет в Тавой-горе Петрозаводского уезда.)

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.